

книги, апокрифы, жития, сборники, хроники и светские повествовательные сочинения. Отмечаются как перенесение переводов со славянского юга, а именно от болгар, так и самостоятельная переводческая деятельность. Установление византийской церковной иерархии в русских землях во второй половине X—начале XI в. связывается с византийско-болгарской борьбой, с утверждением византийского политического и церковного господства в болгарских землях после разгрома царства Самуила. Эпоха XI в., т. е. эпоха после завоевания Болгарии Византией, правильно охарактеризована как время полного застоя литературной жизни в Болгарии и как период усиленной деятельности по переписке литературных произведений на Руси. По предположению Пиккио, эта переписка совершалась под воздействием греческих церковных иерархов с целью удовлетворения нужд Киевского государства. Участие болгарских книжников в жизни Киевской Руси в XI в., в переводах и переписке различных литературных произведений должно, по моему мнению, считаться фактом, не подлежащим сомнению. Однако появление этих болгарских книжников в Киеве нужно объяснять в теснейшей связи с событиями в болгарских землях в последние три десятилетия X и начале XI в. Как турецкое завоевание в конце XIV в. изгоняло из болгарских земель множество болгарских книжников, которые приносили с собой произведения литературы и становились на Руси одним из основных факторов «второго южнославянского влияния», так и покорение Византией Восточной Болгарии в 972 г. и всех болгарских земель в 1018 г. изгоняет многих болгарских книжников далеко за пределы их родины. Если около 1207 г. малолетние сыновья царя Ивана Асеня I будущий царь Иван Асень II и его брат Александр сумели через валашские земли достичь даже пределов Галицкого княжества и провести там около десяти лет, то почему же это было невозможно для книжников из Преслава или Охрида в конце X или начале XI в.? Разумеется, вопрос не должен решаться односторонне, в духе высказанных М. Д. Приселковым и его последователями предположений об одностороннем влиянии Охридской Болгарии.⁸ Намного раньше Охрида книжники Преславской Болгарии вынуждены были бежать от византийского нашествия и искать убежища в русских землях. Именно им мы обязаны тем участием болгар в деятельности по переводу и переписке в Киевской Руси XI в., которое справедливо отмечается исследователями.

Автору, однако, может быть брошен упрек в том, что, указывая отдельные литературные жанры, которые нашли место в переводной литературе Киевской Руси, он сравнительно мало уделил внимания переводам патристической литературы. Пиккио упоминает их лишь тогда, когда говорит о разного рода сборниках смешанного состава. Кроме того, было бы необходимо более точно разграничить два литературных направления — «официальное», выразившееся прежде всего в переводах богослужебных и патристических сочинений, и «народное», выразившееся главным образом в переводах апокрифических, т. е. неканонических или прямо еретических произведений. При таком взгляде апокрифические сочинения должны рассматриваться не на втором месте, как это делает Пиккио, но отдельно, как явление, противостоящее «официальной» книжности. По-моему, при указании разных апокрифических сочинений нужно подчеркнуть их византийское и даже восточное происхождение, отметив при этом, что некоторые из них попали в русскую литературу через посредство древнеболгарской. Так, широко известный апокрифический рассказ «Хожение богородицы по

⁸ См.: М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.